

У.-А.У. Берзиня

Рижский университет им. П. Страдыня, Латвия

**К вопросу о политическом диалоге ЕС с Китаем:
на примере перевода двух китайских фраз
европейским экспертом**

Целью данного сообщения является рассмотрение на небольшом примере проблемы понимания политического языка современного Китая в Европе. Речь пойдёт об особенностях политического дискурса между ЕС и КНР на примере конкретного случая. Мы утверждаем, что некоторая часть того, что говорят китайские политики, не слышна в Европе, потому что произносимые ими фразы, являясь чисто китайским явлением, никоим образом не связаны с европейской культурной традицией, и потому при переводе неизбежно заменяются на слова, внедрённые в европейскую культуру, и потому искажаются. В качестве примера нам послужит статья, опубликованная в бюллетене «Чайна анализис», своего рода аналитическом рупоре Европейского совета по международным отношениям (European Council on Foreign Relations – ECFR). Официальная позиция этого органа, созданного в октябре 2007 года, состоит в том, что он ни за что не отвечает и ни на что не влияет; считается, что «он независим и не имеет отношения к институтам ЕС». Он позиционируется как «первый европейский мозговой центр», в задачи которого входит «осуществление исследований и организация информированного обсуждения по всей Европе для развития последовательной и эффективной иностранной политики, основанной на европейских ценностях». Публикации, осуществляемые под эгидой и на средства этой организации, неизменно сопровождаются примечанием, что мнения их авторов не отражают позицию Совета. Специфику самопозиционирования Совета важно иметь в виду, чтобы понять, что Совет, издающий бюллетень «Чайна анализис», не готов отвечать за его содержание. Между тем, Совет гордится

© Берзиня У.-А.У., 2013

своими достижениями в аналитике и тем, что в 2008 и 2009 годах он был назван «Лучшим новым мозговым центром мира за последние 5 лет» по рейтингу Пенсильванского университета. В 2010 году Совету была присуждена награда журнала «Перспектив» за «лучший мозговой центр, находящийся в Великобритании и занимающийся не британскими делами». Можно предположить, что оценки деятельности Совета формировались, в числе прочего, и на основе публикаций специалистов по Китаю. Столь длинное предварительное разъяснение понадобилось, чтобы понять: соотнесение «Чайна анализис» с «мозговым центром» единой Европы – Европейским советом – одновременно и правильно, и неправильно. Поэтому, хотя бюллетень и принадлежит Совету, будем считать, что высказанные в нём идеи – не более, чем взгляды отдельных авторов [1].

Предметом рассмотрения будет статья, опубликованная в 2008 г. Матьё Душателем (Mathieu Duchâtel), который в то время был главным редактором «Чайна анализис». Статья, по сути дела, является пересказом нескольких китайских работ, содержащих осмысление политики «мягкой силы» Китая. Одна из работ, попавшая в поле зрения европейского исследователя, принадлежит Ли Юнхуэю – директору Института международных отношений при Пекинском университете иностранных языков, она называется «Традиционная мудрость и постолимпийская внешняя политика Китая» [3].

Статья китайского учёного посвящена вопросу особой ответственности, лежащей на плечи КНР в области международной политики после успешного проведения Олимпийских игр. В этой связи он предлагает внимательнее присмотреться к традиционным идеям Китая, обогащая ими хорошо известную концепцию «мягкой силы» американского политолога Дж. Ная. Поскольку европейский исследователь обратился к статье, само название которой указывает на традиционную мудрость Китая, мы вправе ожидать с его стороны особенно внимательного отношения к упомянутым в ней древним концепциям.

Европейский учёный пишет (приводим дословно его слова вместе с иероглифами и разбивкой транскрипции), что китайский коллега предлагает «сделать мягкую силу приоритетной, а чтобы это осуществить Китай должен „культивировать свои добродетели и практиковать путь Принца“ (*нэйсю цидэ, вайсин вандао* 内修其德, 外行王道), посредством принятия великодушной и безупречной внешней политики» [2, с. 5].

Из процитированного фрагмента следует, что современный политолог КНР даёт совет своей стране «культивировать свои добродетели и практиковать путь Принца». Европейский аналитик добавляет,

что достижение этого обеспечивается «посредством принятия великодушной и безупречной внешней политики».

Внимательно прочитав китайскую фразу, нетрудно заметить, что её английский переводчик не только неточно воспроизвёл её, но и выхолостил из неё глубинное содержание. *Нэй сю ци дэ, вай син ван дао* (内修其德, 外行王道) в дословном переводе означает «Внутри совершенствуй своё дэ, снаружи следуй за дао правителя». Эти мысли и сочетания слов имеют глубокую историю. Китаеведы считают, что фраза эта уходит своими корнями в книгу Чжуанцзы. Именно там встречается прообраз фразы в виде *нэй шэн вай ван чжи дао* (内聖外王之道), то есть, «дао [там, где] внутри мудрец, снаружи правитель» [4, с. 13 (разд. паг.)]. Судя по контексту, Чжуанцзы имел в виду, что дао – едино и для мудреца, концентрирующего свою мудрость внутри себя, и для правителя, деятельность которого протекает «снаружи».

С сунской эпохи фраза стала частью философии конфуцианства, и на первый план вышла её социальная составляющая. Её стали толковать с точки зрения свойств идеального чиновника, который «внутри мудрец», а «снаружи правитель».

При династии Мин она приобрела внутривнутриполитическое и внешнеполитическое измерение. Слова «внутри мудрец» стали восприниматься как призыв к пестованию лучших качеств внутри страны, а слова «снаружи правитель» начали трактоваться в том смысле, что правитель Китая, должен являть собой образец для тех, кто живёт «снаружи» его государства.

Экстраполируя это выражение на современную внешнюю политику страны, китайский автор, конечно же, имел в виду неразрывную связь, существующую между внутренней и внешней политикой. Установив эту связь, он рекомендовал как внутри страны, так и во внешнем мире придерживаться дэ и дао (европейский автор не совсем корректно оба понятия заменил одним словом «добродетель»).

Дэ внутри страны, по мнению современного китайского политолога, должно выражаться в самосовершенствовании. Дао во взаимодействии с внешним миром есть не что иное, как работа современных «правителей» КНР на зарубежный имидж. Пересечение же идеи «снаружи правитель» с концепцией политики «мягкой силы», по мнению китайского автора, возможно там, где Китай на внешней арене будет стараться привлечь к себе симпатии.

Не говоря уже о явных ошибках, допущенных европейским исследователем при переводе интересующей нас фразы (он проигнорировал слова «внутри», «снаружи», «дэ»), он к тому же полностью

вырвал её из культурно-исторического контекста Китая. В результате, европейский читатель узнал о том, что учёный из КНР в качестве дополнения к концепции «мягкой силы» предложил «практиковать путь Принца».

Спрашивается, как, проигнорировав весь этот мощный китайский культурный слой, можно комментировать рекомендации китайского эксперта в области внешней политики? Китай, предлагающий европейскому читателю практиковать путь не ясно какого Принца, выглядит нелепо.

Другой пример из той же статьи. М. Душатель, со ссылкой на Ли Юнхуэя, пишет, что «Пекин не должен щеголять престижем, который он завоевал во время Олимпийских игр, и должен помнить об опасности высокомерия», а в заключении этого предложения приводит несколько иероглифов (*шэньда цзимань, чжунъюн шида*: 慎大忌满, 中庸适度), которые, по-видимому, призваны подтвердить, что по крайней мере заключительные слова он пересказал близко к тексту своего китайского визави [2, с. 6]. Тем не менее, по-китайски написано следующее: «Осторожность [должна быть] велика – избегай излишеств, [чтобы были] середина с равновесием и соразмерность».

Такие слова как «осторожность» (*шэнь*) или «середина с равновесием» (*чжун юн*) сразу же отбрасывают посвящённого слушателя к истокам китайской культуры и вызывают цепь реминисценций. *Шэнь*-осторожности учил своих учеников Конфуций. Это достоинство благородного мужа. *Чжунъюн* – название одного из классических трудов, связанных с именем Конфуция.

Какой посыл заключён именно в этих словах китайского учёного, который не был донесён до европейского адресата? Во-первых, что надо почаще возвращаться к идеям Конфуция, и в частности, вспомнить, что китайский древний философ учил тому, чтобы человек (тут: государство) ни при каких обстоятельствах не терял над собой контроль и был осторожен даже наедине с собой. Во-вторых, что отдельные понятия следует рассматривать в едином контексте сугубо китайского миропорядка. Поэтому, там, где нужно соблюдать осторожность-*шэнь*, неизбежен выход на понятия середины-*чжун* и равновесия-*юн*. Китайский автор имел в виду, что даже в применении западных теорий («мягкая сила») китайцам следует почаще обращать свой взор к китайским ценностям. Олимпиада в Пекине как символ того, что Китай шагает в ногу со временем современных мировых локомотивов истории, должна осмысляться в терминах сугубо китайского мировоззрения. Что же до европейского учёного, то он просто опустил весь этот комплекс идей, заменив его

хорошо известной западному человеку идеей об опасности самонадеянности.

Таким образом, проблема политического диалога напрямую связана с проблемой качества межкультурного общения. До тех пор пока проблема эта не решена, Европа будет обречена на диалог в форме монолога. Станным образом, европейцам не помогут решить эту проблему и сами китайцы, которые услужливо перекладывают на европейские языки сугубо китайские понятия так, чтобы не обмануть ожиданий иностранцев. Так, скажем, в Китае за целью развития современного Китая, которую Дэн Сяопин обозначил конфуцианским понятием *сяокан* (дословно: маленькое здоровье), закреплён перевод *welfare society*. Между тем, понятие *сяокан* завязано на древних представлениях, зафиксированных в создававшихся ещё до нашей эры конфуцианских книгах об объективно существующих этапах развития мира, а *welfare society* – типичный термин XX столетия, адресно связанный с некоторыми обществами Западной Европы, для которых характерен такой набор признаков как капиталистический строй с элементами социальной справедливости, осуществляющейся с помощью выравнивания доходов, используя налогообложение, и развитие в ногу с мировым техническим прогрессом. Пересекаются эти две политические концепции лишь на узкой смысловой полоске, которую можно было бы обозначить как «хорошее общественное устройство, которое могло бы быть ещё лучше».

Но справедливости ради надо сказать, что именно Китай сейчас предпринимает поистине гигантские усилия для того, чтобы быть понятным. Это проявляется в издании книг, пособий по языку, культуре, истории, в повышении статуса переводчиков с иностранных языков, создании электронных словарей и энциклопедий. Думаю, что европейским специалистам по политической науке не стоит дальше держать не читающую по-китайски европейскую публику в неведении относительно того, что Китай в международной политике не только является участником евроатлантического политического дискурса, но и разговаривает на языке китайской культуры.

Между тем, с этим рано или поздно придётся считаться, потому что в перспективе китайский политический дискурс, который на протяжении всего XX века интенсивно впитывал в себя политическую аргументацию Запада, будет всё шире заимствовать аргументы из китайского культурного наследия. Поэтому легкомысленно игнорировать как ничего не значащую фигуру речи классические китайские обороты в современном политическом языке. Эти отсылки к китайским классикам содержат в себе огромный информационный

материал, без понимания которого эффективно взаимодействовать с Китаем будет всё труднее и труднее.

Литература

1. About the European Council on Foreign Relations. <http://ecfr.eu/content/about/>

2. *Duchâtel M.* Gaining soft power: China's post-Olympic foreign policy priority. – China analysis 20: Playing with Europe's soft agenda. London: European Council on Foreign Relations (ECFR) Asia Centre, 2008. P. 5–6.

3. *Ли Юнхуэй* 李永辉. Чуаньтун чжихуй юй аоюньхуйхоу дэ Чжунго вайцзяо 传统智慧与奥运会后的中国外交 (Традиционная мудрость и постолимпийская внешняя политика Китая) // Сяндай гоцзи гуаньси 现代国际关系. Пекин, 2008. № 9. С. 25–27.

4. [*Чжуанцзы* 莊子]. Цзяньчжу Чжуанцзы Наньхуацзин 箋註莊子南華經 (Откомментированный Канон южных цветов Чжуанцзы), под ред. *Ху Шэнья* 胡繩崖. Шанхай: Шанхай Саешань фан 上海掃葉山房, 1940. Цзюань 6 (33).